

Выпустить его? О таком не было и речи. Так что Сюй Шуанцы пришлось безропотно отлёживаться целиком четыре дня. Лишь когда Цин ушёл на охоту, юноша наконец обрёл хоть какую-то свободу действий.

Вынужденно познав, каково это — подчиняться чужому волеизъявлению, Сюй Шуанцы ощутил... что-то странное. Всё прошло неплохо? Оставалось лишь признать: в нём самом явно имелась какая-то чудинка.

Как бы то ни было, едва Белый Тигр скрылся за деревьями и гиперопека спала, Сюй Шуанцы тут же вернулся к своему соляному промыслу.

По словам Цина, недели через четыре зарядят проливные дожди, а значит, времени оставалось в обрез.

Сначала Сюй Шуанцы поднялся к соляным полям и затопил их водой. Убедившись, что дёрн держит влагу и нигде не подтекает, он со спокойной душой оставил соль высыхать на солнце и спустился к обжиговой печи.

За шесть дней гончарная печь успела полностью остыть. Сюй Шуанцы осторожно размуровал глиняную заслонку, и наружу вырвался сухой, едва ощутимый жар, обдавший лицо.

В глубине, залитая рассеянным светом, ровными рядами стояла посуда разных размеров. Обожжённые изделия отсвечивали красновато-терракотовым тоном. Особенно выделялся пузатый керамический котёл — оттиск тигриной лапы на его выпуклом боку выглядел одновременно внушительно и мило.

Юноша отвернулся, глухо покашливая, и присел на земляную насыпь, чтобы перевести дух.

Изнутри всё ещё поднималась зольная пыль. Завязав нижнюю часть лица куском шкуры, он стал поочерёдно доставать готовые вещи.

Первая партия состояла в основном из кухонной утвари: горшков, мисок, плошек, кувшинов. Маленьких горшочков для выпаривания соли он слепил всего десяток.

В общей сложности в печь поместилось два десятка предметов. Опасаясь за сохранность крупной посуды, Сюй Шуанцы поставил по одному экземпляру самых больших вещей: пузатого котла и глубокого чана. Они занимали больше всего места, но, к счастью, при осмотре выяснилось, что оба выдержали обжиг без единой трещинки.

Кроме того, у него вышло пять глубоких тазов: два больших, предназначенных для мытья, и три поменьше — их планировалось приспособить под миски для Белого Тигра. Увы, именно мискам Цина не повезло: лопнули абсолютно все.

Зато прочая мелочь — пиалы под еду, баночки под специи и пряности — выдержала испытание огнём куда лучше.

Вытащив всё наружу, Сюй Шуанцы подвёл итоги: выживаемость составила около шестидесяти процентов. Из двадцати предметов испортились восемь, причём три из них — стряпня самого Белого Тигра.

Сюй Шуанцы тихонько прыснул, плечи его затряслись от смеха.

Осмотрев черепки, он окончательно убедился, что большинство треснувших изделий вышли из-под тяжёлой лапы Цина. А значит, у самого Сюй Шуанцы к гончарному делу определённо имелся задаток.

Уложив целую посуду в плетёные корзины, юноша сделал несколько ходок, перетаскивая добычу в пещеру. Изначально он планировал заложить вторую партию прямо сегодня, но под конец отчаянно выдохся — холодный пот лил с него градом. И дело было не в жаре, а в банальной слабости недужного тела.

Если он переусердствует, Белый Тигр точно придёт в ярость. А ну как разгневается да выставит из пещеры? И останется Сюй Шуанцы без крова.

Рассудив так, юноша с чистой совестью завалился в плетёное кресло.

Немного передохнув, он бережно перевернул яйцо, покоящееся в мягких шкурах, и, едва передвигая налитые свинцом ноги, отправился мыть свежеебужённый котёл.

Забросив в очаг Сладкий Корень, юноша достал последний кусок мяса, оставленный Цинем. Нарезав его тонкими ломтиками, Сюй Шуанцы отправил их шкворчать на раскалённую глину.

Следом в ход пошли пряные травы с ароматом имбиря и чеснока, щепотка свежей соли... Забытый, манящий запах домашней стряпни мгновенно пробудил аппетит.

Вскоре на столе красовалась румяная грудинка, обжаренная со свежими побегами, и лёгкий похлёбочный отвар из нежных листочков Зеленоухой Травы. Напоследок Сюй Шуанцы выгреб из золы запечённый Сладкий Корень, заменявший хлеб.

Два блюда и суп — настоящий полноценный обед!

Счастливый, он опустился в кресло, предвкушая трапезу, но тут взгляд его упал на стоящее напротив массивное сиденье, сплетённое специально для Цина.

Улыбка мгновенно угасла.

На столе красовались аппетитные кушанья, однако в пещере царило унылое безмолвие. Радость от удачного дня вмиг улетучилась.

Живот заурчал от голода, и Сюй Шуанцы, подхватив бамбуковые палочки, стал неспешно отправлять еду в рот. Половину он аккуратно отложил про запас, перемыл посуду и зарылся обратно в мягкий ворох шкур.

С наступлением ночи чаща огласилась разнородным звериным рыком и воем.

Сюй Шуанцы дремал вполуха, когда треск сушняка в очаге заставил его вздрогнуть и мгновенно распахнуть глаза.

В пещере стояла тишина. Цин всё ещё не вернулся.

Обычно Белый Тигр приходил до заката или максимум через час после наступления темноты. Сейчас же, судя по ощущениям, перевалило за полночь.

Сон как рукой сняло. Завернувшись в шкуру, юноша толкнул дверную створку и заглянул в соседнее помещение.

Туш там не было.

Он замер на пороге.

Насколько хватало глаз, густые лесные тени переплетались с непроглядным мраком ночной чащи. Выйти на поиски? Но в какую сторону идти?

Порыв студёного ветра заставил Сюй Шуанцы звонко чихнуть. Подавив подступившую растерянность, он бросил тревожный взгляд на вершины деревьев, вернулся в пещеру, плотно прикрыл дверь и поджал ноги, усевшись прямо на шкуры.

Застань его Цин снова занедужившим — оборотень ближайšie две недели вообще не спустит его со своей хвостатой привязи.

Юноша обнял колени и прислонился спиной к холодному камню. Не сводя глаз с деревянной двери, он ждал, когда же наконец стукнет засов.

Разноголосый птичий гвалт возвестил о приближении рассвета. Первые полосы зари просочились сквозь щели в двери, упав на полутёмный пол. Сюй Шуанцы так и заснул, неудобно прислонившись к каменной стене и тревожно нахмутив брови.

Тук-тук-тук!

Сюй Шуанцы очнулся как от удара.

Забыв про обувь, он сорвался с места и нагишом потянул на себя дверную створку.

— Цин!

Белый Тигр, сгибавшийся под тяжестью туши, глухо откликнулся и первым делом направился в соседнюю нишу, чтобы сбросить добычу.

Сюй Шуанцы проводил его взглядом, как вдруг снизу донёсся тоненький, детский писк:

— А-Шуан!

Что-то чрезвычайно мягкое и пушистое пожурилось о его подъём. Глянув под ноги, юноша обомлел: перед ним крутились кошачьи детёныши.

— А-Мао? А-У? Жрец?! Да как же вы здесь оказались?

Не успел он договорить, как гибкий хвост обвил его талию. Сюй Шуанцы ахнул, когда его одним лёгким движением сдёрнули с места и вскинули на широкую тигриную спину.

Цин соорудил строгую морду:

— Обуйся.

— Я тебя всю ночь прождал, — виновато пробормотал Сюй Шуанцы. — Подумал, что это ты стучишь, вот и выскочил не глядя.

Белый Тигр бережно перенёс его к очагу и опустил на мягкую подстилку из шкур.

— Жрец Чан, осмотри его, — обратился хищник к старейшине.

Седой кот мягко улыбнулся и подошёл ближе. Поняв, что ростом не вышел, он с ловкостью вскочил на плетёное кресло.

— Цин сказывал, у тебя сильный жар был, — ласково промолвил жрец. — Душа у него не на месте, вот и притащил мне тушу, умоляя проведать тебя. Нагни-ка голову.

Сюй Шуанцы бросил быстрый взгляд на Цина и послушно наклонился.

Мягкая подушечка лапы коснулась его лба, а затем скользнула к шее.

Задав несколько уточняющих вопросов, жрец задумчиво произнёс:

— Слишком худой и слабый. Вари ему отвар из травы Божественного Цветка. Попьёт несколько дней, поест досыта хорошего мяса — глядишь, и наберётся сил.

Трава Божественного Цветка считалась ценнейшим снадобьем, идеально подходящим для исцеления истощённых и ослабленных недугом людей. Сюй Шуанцы знал о её свойствах.

— Благодарю вас, жрец Чан, — тепло улыбнулся юноша.

— Цину спасибо скажи, — жрец, проживший на свете не один десяток лет, отлично понимал, что происходит между этими двоими. Молодые явно успели повздорить. — И запомни: главное — не кручинься. Добрый дух в теле — половина исцеления.

Телесные недуги юноши во многом происходили от внутренней тоски и тревоги.

Сюй Шуанцы на мгновение опешил.

Цин же серьёзно кивнул, принимая совет к сведению.

Едва жрец закончил осмотр, как оба котёнка с писком залезли на скрещенные ноги Сюй Шуанцы. Упёршись лапками ему в грудь, они вытянулись в струнку и уставились на него круглыми, любопытными глазёнками.

— А-Шуан, ты такой бедный! — всхлипнул А-Мао.

Сюй Шуанцы усмехнулся и погладил малыша по пушистой макушке:

— Да я уже совсем здоров.

— Вовсе нет! — возразил А-У. — Траву Божественного Цветка дают, только когда всё совсем плохо!

Жрец сам говорил им, что это редчайшее снадобье, которое почти невозможно сыскать.

Чувствуя на себе пристальный, жгучий взгляд Цина, Сюй Шуанцы лишь мягко потрепал котят

за уши, призывая умерить пыл. Заметив же, с каким изумлением старейшина разглядывает незнакомую утварь, юноша охотно пояснил:

— Это посуда из обожжённой глины. А стол и кресла сплетены из гибкой лозы.

— Позволишь потрогать? — с живостью поинтересовался жрец Чан.

— Разумеется, берите что хотите.

Старец с увлечением принялся обходить глиняные горшки. Котята мгновенно заразились его любопытством и шустро увязались следом, позабыв про Сюй Шуанцы.

В итоге на расстеленных шкурах остались лишь Белый Тигр и юноша.

Сюй Шуанцы замешкался, не зная, с чего начать, но Цин решил всё за него: мощный хвост обвил талию юноши и аккуратно притянул к тёплому, мягкому брюху хищника.

— Всё ещё болит что-нибудь?

Сюй Шуанцы светло улыбнулся. Хотя губы его оставались бледными, в глазах уже затеплилась жизнь.

Он подзывающе поманил хищника пальцем.

Цин склонил массивную голову.

Тёплое дыхание юноши щекотнуло тигриное ухо. Оно нервно дёрнулось, случайно задев шелковистые губы Сюй Шуанцы.

Сюй Шуанцы шмыгнул носом, уткнувшись в мягкую шерсть чуткого уха, и крепко обнял Цина за шею.

— Я же чуть ума не лишился от страха... Хотя бы предупредил, что задержишься!

Оборотень повернул морду, остановившись в каком-то пальце от его лица. Он шершавым языком провёл по щеке юноши. На белой коже выступил румянец, и Цин удовлетворенно прищурился — так его избранник выглядел куда более здоровым.

Словно угадав скрытые тревоги Сюй Шуанцы, Белый Тигр тихо прорычал:

— Я не уйду.

— Угу, — юноша глубже зарылся в тёплый густой мех, решив не продолжать этот разговор.

— Можно мне угостить жреца и малышей обедом? — приглушённо спросил он.

— Можно, — отозвался Цин.

Сюй Шуанцы задорно прищурился. Вспомнив прошлые запреты, когда Большой Кот ни в какую не давал трогать свой хвост и сердился на любые попытки прикоснуться, юноша, пользуясь умиротворённым настроением зверя, полюбопытствовал:

— А почему ты раньше запрещал гладить хвост, а теперь сам подставляешь?

Цин приподнял увесистую лапу, ласково погладил юношу по спине и ещё плотнее прижал к своей груди:

— Только суженому дозволено.

— Чего?.. — Сюй Шуанцы вскинул голову. О таком подтексте он даже не догадывался! Выходит, все его прежние порывы выглядели как неприкрытое домогательство? — Что же ты молчал?! Сказал бы сразу, я бы и пальцем не притронулся!

— Тебе — можно, — тигр бросил короткий взгляд на жреца, самозабвенно разглядывающего горшки, и ласково лизнул растрёпанную макушку Сюй Шуанцы.

Сюй Шуанцы с торчащей прядкой волос хлопал глазами в полном замешательстве:

— Но я ведь не твой спутник...

— А ты согласен им стать? — невозмутимо спросил Цин.

У Сюй Шуанцы судорожно дёрнулось веко. Он тяжело сглотнул. Человек и зверь... Да как такое вообще возможно?!

— Я — человек, а ты — тигр... Как мы можем быть парой?

— Я тоже могу обернуться человеком.

— Что?..

— Так ты согласен? — В янтарных зрачках Цина отражался только он один, и от этого прямого, нерастраченного чувства сердце юноши заколотилось как бешеное.

Постойте... Как разговор вообще съехал в это русло?!

— А-Шуан, ты не хочешь... — тигриные уши тоскливо прижались к голове, а в чистых, прозрачных глазах вспыхнула глубокая обида.

Оборотни не ведали лукавства: для них существовало лишь «да» или «нет». Даже о любви они заявляли прямо, без лишних реверансов.

В голове Сюй Шуанцы от такой искренности всё смешалось, и он, поддавшись сиюминутному порыву, ляпнул:

— Вот обернётся человеком — тогда и соглашусь!

В глубине золотистых глаз Цина тут же блеснула лукавая искра.

Огромная тигриная голова уткнулась в яремную впадинку юноши, ласково ботнув его в шею.

— Хорошо. Я изо всех сил постараюсь стать человеком.

«Изо всех сил постараюсь стать человеком?! Ты что, Русалочка из сказки?!» — мысленно возопил Сюй Шуанцы.

Впрочем, спорить с хищником он не стал. Ощувив, как под тёплым тигриным боком отступают последние тревоги, юноша поднялся на ноги, чтобы пригласить жреца и детёнышей к трапезе.

Однако не успел он вымолвить и слова, как старейшина перебил его, с нетерпением указав на глиняную утварь:

— Мы можем обменяться?

— Чем? — не понял Сюй Шуанцы.

— Я хочу выменять эту посуду от имени всего Племени Кошек, — с полной серьёзностью промолвил жрец Чан.

Юноша на мгновение опешил, а затем улыбнулся и кивнул:

— Разумеется. Вот только готовых вещей у меня пока совсем немного.

— Мы подождём, пока ты обожжёшь новую партию, — решительно отрезал жрец.

— Договорились, — просиял Сюй Шуанцы. — Тогда я займусь обедом. Желаете посмотреть, как пользоваться этой посудой?

Кот-жрец с готовностью кивнул:

— Покажи.

<http://bllate.org/book/20124/1993006>